

В результате усвоения вышеназванных учебных дисциплин студенты приобретают необходимые компетенции и готовы с их помощью решать определенные практические задачи. В 8-м семестре четверокурсники идут на производственную педагогическую практику, во время которой в течение одиннадцати недель будут применять знания и умения, полученные в процессе изучения дисциплин методического профиля, выполняя функции учителя русского языка и литературы в закрепленных за ними классах.

Таким образом, рассмотренное выше планирование учебных дисциплин по методике преподавания русского языка строится в соответствии с современными требованиями, предъявляемыми к последовательности формирования компетенций (от универсальных и базовых профессиональных до специализированных) и способствует качественной профессионально-методической подготовке студентов по специальности «Русская филология», большинство из которых после окончания университета получает распределение в учреждения общего среднего образования на должность учителя русского языка и литературы.

Библиографический список

1. Типовой учебный план по специальности 1-21 05 02 Русская филология (по направлениям) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/271411/1/1-21%2005%2002%20Рус_филология%28по%20напр%29_Д21-1-010тип.pdf. – Дата доступа: 20.06.2023.
2. Примерный учебный план по специальности 6-05-0232-02 Русская филология [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://edustandard.by/baza-dannykh/primernye-uchebnye-plany/item/4301-primernyj-uchebnyj-plan-po-spetsialnosti-6-05-0232-02-russkaya-filologiya>. – Дата доступа: 20.06.2023.
3. Методика преподавания русского языка. Учебная программа учреждения высшего образования по учебной дисциплине для специальности 1-21 05 02 Русская филология (по направлениям) / Составитель И. Э. Савко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/288084>. – Дата доступа: 20.06.2023.
4. Интегративный подход к обучению правильности речи. Учебная программа учреждения высшего образования по учебной дисциплине для специальности: 1–21 05 02 Русская филология (по направлениям); 1–21 05 02-01 Русская филология (литературно-редакционная деятельность); 1–21 05 02-03 Русская филология (деловая коммуникация). Рег. № УД-11747/уч. от 04.05.2023 / Составитель И. Э. Савко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/296947>. – Дата доступа: 21.06.2023.

КАТРАН ТЕБРИЗИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ РОССИЙСКИХ И ЕВРОПЕЙСКИХ УЧЕНЫХ

Н. Ф. Садыгова (Баку, Азербайджан)

X–XI века были периодом возрождения на Востоке: Фирдоуси, философ Мансур Халладж, Бахманьяр ибн Марзибан, создатель обсерватории Марага математик-астроном Насиреддин Туси, врач Ибн Сина (Аветсена), проводивший операции на глазах, автор книг по арабской грамматике, азербайджанец Хатиб Тебризи, Омар Хайям, Рудаки, Абу-л-Ала Марарри и др. Кроме того, развивается живопись, архитектура, музыка на территории древнего Азербайджана. Тебризские ковры, Ердebilьские, Тебризские, Нахчыванские укрепления-крепости приобретают известность на Востоке благодаря своему высокому мастерству и культуре строительства. «Разбитый замок» (1073 г.) в Баку – символ классического восточного зодчества [1, с. 68]. В X–XI веках такие азербайджанские города, как Ардебиль, Тебриз,

Марага, Барда, Шамаха, Нахчыван, Урмия были важными торговыми центрами на великих караванных путях на Западе и на Востоке. Эти города играли серьезную роль в экономике, общественной и политической жизни страны [2, с. 18–19]. В первой половине XI века, когда Азербайджанские государства процветали, поход сельджуков из Средней Азии стал трагическим событием в жизни страны [3, с. 39]. Для борьбы с захватчиками государства Азербайджана должны были сражаться сообща. Эти исторические события нашли отражение в творчестве поэта XI века Катрана Тебризи. Поэту, занимающемуся также дипломатической деятельностью, удается объединить азербайджанских правителей в борьбе с беспощадными захватчиками. Он лично участвовал в тяжелых сражениях и на высоком поэтическом уровне создал историческую летопись века. Как и все азербайджанские поэты века, Катран по социально-политическим соображениям писал свои оды на персидском языке и завоевал славу в персоязычных странах Востока. Первые персидские источники, содержащие сведения о поэте, высоко оценивают литературное наследие Катрана, подтверждают, что он «мастер», «глава азербайджанских поэтов», поэт-философ [4, с. 31–40]. Великий таджикский поэт Абдулрахман Джами (1414–1492) в своем произведении «Саламан и Абсал» в знаменитом рассказе, посвященном Катрану Тебризи, дал ему высокую оценку: «Катран был мастером смысла, творившим стихи, каждая капля его пера была морем тайны» [5, с. 68–69].

Западноевропейские и русские востоковеды начали знакомиться с произведениями поэта с конца XIX века и в начале XX века. Согласно нашим исследованиям, первый сборник сведений о поэте на Западе издал английский востоковед Чарльз Рио. Правда, незадолго до Рио Шефер привел примеры стихов Катрана во втором томе «Обзора иранской литературы». Но исследование, как было сказано выше, начинается с Рио. Рио приводит краткую биографию поэта после описания «Дивана» Катрана и небольшой коллекции его стихов, хранящейся в Британском музее, в «Каталоге персидских рукописей в Британском музее». Но поскольку Рио довольствовался предоставленной источниками информацией, он не смог ничего нового сказать о поэте. Поскольку соискатели изучали только «Маджмаул-фусаха» Рзакулухана, совершили те же ошибки. Автор произведения Рзакулу Хидаят перепутал стихи поэта. Получив информацию, Рио повторил ошибки в «Маджмаул-Фусаха». Информацию о стихах Рудаки и Катрана, вероятно, Рио получил от Хидаята. Однако в этом вопросе английский ученый хорош тем, что старался внимательно изучить стихи Рудаки и Катрана, отметил, что наблюдал ряд стихов Катрана в «Диване», приписываемом Рудаки, и привел примеры. Похоже, что Рио для этого изучал сборники других поэтов. Это первое знакомство западного читателя с древним азербайджанским поэтом, несомненно, было интересным. Денисон Росс и Эдвард Браун, сумевшие собрать более обширные сведения о Катране, впервые познакомились с поэтом благодаря произведениям Скефера и Рио.

В 1924 году Денисон Росс, повторно обратившийся к вопросу о Катране и Рудаки, пошел гораздо дальше своего соотечественника Чарльза Рио и смог выявить реликвии, дошедшие до нас из богатого литературного наследия Рудаки. Выдающийся русский востоковед Ю. Э. Бертельс справедливо высоко оценил работу Денисона Росса [6, с. 128]. Примерно через четыре года после Денисона Росса известный английский востоковед Э. Браун посвящает азербайджанскому поэту особые страницы в своей книге «История иранской литературы». Известно, что Браун, как и другие западные авторы, называл ближневосточных поэтов, писавших на персидском языке, иранскими поэтами. Именно таким образом Катран Тебризи был включен в эту книгу. Э. Браун, пытающийся создать более широкое представление о поэте, отдает место в произведении литературной школе и художественным особенностям Катрана. Английский ученый, высоко оценивший поэта, ссылаясь на Довлатшаха Семерканди, изучавшего особо сложные стихотворные формы, в том числе джем, мухаммас и двойную рифмованную поэтическую форму, считал это стихотворение вершиной мастерства и подчеркивал, что ряд поэтов, пришедших после Катрана, пытались подражать ему, и очень немногим из них это

удавалось. Мы не знаем, насколько английский востоковед был знаком с «Диваном» (сборник стихов) поэта. Однако известно, что он был весьма равнодушен к поэтическому тексту с точки зрения изучения жизни поэта.

Академики А. Крымский и Ю. Э. Бертельс, видные русские востоковеды, выдвинули ряд ценных идей о средневековой азербайджанской литературе в своих работах до 30-х годов, в своих исторических очерках и книгах выдвинули ценные идеи по иранской литературе, но как и многие наши ученые, невнимательно изучили произведения Катрана Тебризи [7, с. 455].

А. Крымский в своем произведении «История Ирана и его литературы...» описывает «Сафарнама» Насыра Хосрова и указывает на встречу Катрана с Насиром Хосровым и пишет: «Здесь (в Тебризе) он встретился с поэтом последних Бовейхидов Катраном Джебельским, и Катран использовал встречу с Насири Хосровым, чтобы тот разъяснил ему, западному иранцу, некоторые теневые места в стихотворениях своих земляков, – восточных иранцев предыдущего века...» [7, с. 455]. Это единственная заметка А. Крымского о Катране. Из самой этой заметки видно, что сведения автора о поэте были незначительными и неверными. Если первое из этих ошибочных мнений великого русского ученого о том, что поэт был дейламиджабали, сложилось в результате влияния тазкиры, то второе – его собственное. Очень удивителен тот факт, что А. Крымский связывает Катрана с Бувейхидами (935–1055). Как известно из его произведений, Катран был близок ко двору правителей Азербайджана – Шаддади (951–1088), Раввади (начало IX века – 70-е годы XI века) и эмира Нахчывана Абу Дулафа Дейрани, посвящал им свои произведения. О его отношениях с иранскими правителями Бувейхидами доказательств нет.

Из источников известно, что стихи Катране и Рудаки были уже смешаны начиная с XVI века. Удивительно то, что, несмотря на давнее предостережение отдельных авторов, это запутывание продолжалось до недавнего времени и приводило к ошибкам и искажениям, к неверным выводам многих выдающихся поэтов, таких как Э. Эте, Шибли Номани. Например: Х. Эте хотел охарактеризовать произведения Самаркандского поэта Рудаки на основе поддельной копии его «Дивана» («Псевдо Рудаки»). Однако очень небольшая часть этой книги принадлежит Рудаки. В книге «Рудаки» (موزن مراطا), изданной в Москве в 1964 г. под редакцией И. С. Брагинского, смешение стихов Катрана Табризи с Рудаки и включение в эту книгу некоторых его спорных произведений подтверждает наше мнение.

Вторым ученым, который провел серьезную исследовательскую работу о тебризском поэте в русском литературоведении был Ю. Э. Бертельс [8, с. 8]. В первом варианте его произведения «Низами» («Творческий путь поэта») Бертельс, рассказывая о литературном окружении поэта, говорит о его азербайджанских предшественниках, прежде всего, Катране Тебризи [8, с. 40]. Как сказано в предисловии к избранным трудам ученого, главная ценность этого исследования заключалась в том, что наследие Низами было взято как плод конкретных исторических условий и изучено в совокупности с его национальным, культурным и литературным фоном. Ю. Э. Бертельс усматривает сильную духовную связь творчества Низами с его предшественниками и современниками и на этом основании он определил «азербайджанскую поэтическую школу» и показал, что она была отделена от всей средневековой классической поэзии, созданной на персидском языке благодаря своим особенностям. Теперь творчество Низами можно было бы воспринимать как логическое продолжение всей предшествовавшей ему школы азербайджанской поэзии [9, с. 8].

Ю. Э. Бертельс, представив выразительные и лаконичные сведения о древнейшем образце азербайджанской поэзии, написанном на персидском языке, резюмирует свои оригинальные, ценные идеи в отношении литературных традиций и литературной среды Низами. Он говорит о развитии персидского языка как языка поэзии и искусства в Азербайджане и пишет: «Проследить первые шаги появления персидского языка в Азербайджане мы пока не можем. Можно лишь констатировать, что в начале XI века в главном городе Южного Азербайджана Тавризе уже появляется такой исключительный мастер персидского стиха, как знаменитый

Катран ибн-Мансур» [8, с. 40]. Ю. Э. Бертельс назвал Катрана «исключительным мастером персидской поэзии» и высоко оценил искусство поэта. Русский Низамивед отмечает, что темы в произведениях Низами (Хосров и Ширин, Фархад и Ширин, Лейли и Меджнун) еще в XI веке были известны Азербайджану.

Мы хотели бы обратить внимание на следующее высказывание ученого: «Катрана трудно считать поэтом вполне оригинальным. Его зависимость от хорасанских предшественников весьма велика. Все же, безусловно, этот поэт талантливый» [8, с. 42]. Можно говорить не только о своеобразии Катрана, но и о влиянии и взаимовлиянии поэтов Хорасана и Бухары. Катранская поэзия была выражением художественного мышления азербайджанского народа. Его произведения тесно связаны с историей и бытом народа [10, с. 31–40]. Как показал Г. Араслы, катранская поэзия своими художественными особенностями была новой для азербайджанской литературы XI века и как новинка совершенно отличалась от творчества поэтов, живущих при дворе Саманитов и Газневидов. К такому выводу пришел и сам Е. Э. Бертельс, говоря об азербайджанской поэзии в своей монографии. Обобщая представления о творческом направлении наших поэтов до Низами, он писал: «Все авторы охарактеризованной группы, начиная с Катрана, обнаруживают известную общность стиля. Она настолько велика, что говорить об азербайджанской школе XII века, мне кажется, мы имеем полное право. Отклонения нами наблюдавшиеся, объясняются индивидуальными особенностями данного автора и еще больше подчеркивают наличие этой общности. Совершенно не вызывает сомнений связь этой школы в целом с хорасанской школой XI века, а через нее и с бухарской школой X века. Есть также связь с современными хорасанскими и хорезмийскими школами, но и здесь различия на одной и той же основе, но в зависимости от местных условий развивались в несколько отличающихся друг от друга направлениях, хотя общее сходство внешних условий и здесь породило много совпадений» [9, с. 74–75].

Исследование азербайджанского ученого Фируз Садыгзаде выявило, что причиной противоречия и неточности было отождествление стиля Рудаки и Катрана [10, с. 3–9]. Невозможно спутать поэмы Катрана с Рудаки: мудрость и простота принадлежат поэме Рудаки, а роскошь, метафоры, художественно-образное выражение принадлежат поэту Катран Табризи: «Птица верности покинула мир и свила гнездо в другом месте. Горизонт так зарыбил кровью сердца, что покрывало запада окрасилось кровью от этой волны» [11, с. 459] – таков богатый метафорами стиль Катрана Табризи.

Мудрость и философия стихотворения Рудаки: «Я крашу волосы в черный цвет не для того, чтобы быть молодым и обновлять свои грехи». В трауре все носят черную одежду, я оплакиваю свою старость и крашу волосы» [12, с. 196].

Библиографический список

1. Исмаилов, М. А. История Азербайджана / М. А. Исмаилов. – Баку, 1997. – 325 с.
2. Беляев, Е. А. Мусульманская вера / Е. А. Беляев. – Баку: Золотой Восток, 1958. – 104 с.
3. Ибн ал-Асир Ал-Камил фи Тарих. Полный свод истории / Ибн ал-Асир. – 1868.
4. Садыгзаде, Ф. С. История изучения Катрана / Ф. С. Садыгзаде // Научные произведения БГУ. – 1960. – № 1. – С. 31–40.
5. Джамии Абду Рахман Салман и Абсал / Джамии Абду Рахман. – Тегеран: Шафаг, 1302. – 115 с.
6. Бертельс, Е. Э. Избранные труды. История персидско-таджикской литературы / Е. Э. Бертельс. – М.: Издательство Восточной литературы, 1960. – 556 с.
7. Крымский, А. Е. История Персии, её литературы и дервишской теософии / А. Е. Крымский. – М.: Типография Красного календаря А. Гатцука, 1915. – 568 с.
8. Бертельс, Е. Э. Низами. Творческий путь поэта / Е. Э. Бертельс. – М.: Издательство АН СССР, 1956. – 262 с.
9. Бертельс, Е. Э. Избранные труды. Низами и Физули / Е. Э. Бертельс. – М.: Восточная литература, 1962. – 555 с.

10. Садыгзаде, Ф. С. Исследования Катрана Тебризи в Азербайджанской и Советской литературе / Ф. С. Садыгзаде // Научные труды Азербайджанского Государственного Университета. – 1960. – № 6. – С. 3–9.
11. Тебризи, К. Диван / Наким Катран Тебризи. – Тегеран: Шафаг, 1954. – 544 с.
12. Рудаки Асари-манзум / Рудаки. – М.: Наука, 1964. – 340 с.

СПОСАБЫ ГРАФІЧНАГА ВЫЛУЧЭННЯ АКАЗІЯНАЛІЗМАЎ У ПАЭТЫЧНЫХ ТВОРАХ А. РАЗАНАВА

М. А. Самсонава (Магілёў, Беларусь)

Сучасныя даследаванні мастацкага тэксту характарызуюцца антрапацэнтрычным падыходам, у межах якога ўвага навукоўцаў накіравана на ўзаемадзеянне аўтара і чытача, працэсы ўспрымання тэксту і яго інтэрпрэтацыі, а таксама на інтэнцыі суб'екта маўленчага дзеяння.

Аказіянальныя наватворы часта ўспрымаюцца ў маўленні аўтара як парушэнне існуючых нормаў, калі моўная асоба імкнецца да вылучэння якой-небудзь інфармацыі, да неардынарнасці, арыгінальнасці. Гэта ўласцівасць аказіяналізмаў дазваляе гаварыць аб іх прагматычнай маркіраванасці як абавязковай характарыстыцы. Сапраўды, аказіянальнае слова характарызуецца такімі складнікамі прагматычнага кампанента яго семантычнай структуры, як экспрэсіўнасць (навізна, незвычайнасць, вобразнасць), эмацыйнасць, ацэначнасць, наяўнасць якіх абумоўлівае стварэнне адзінкі ў тым ці іншым кантэксце для рэалізацыі камунікатыўных паграбаванняў аўтара.

Антрапацэнтрычныя па сваёй прыродзе аказіяналізмы варта лічыць важным сродкам экспрэсівізацыі тэксту, паколькі яны спрыяюць псіхалагізацыі маўлення, робяць яго жывым, натуральным, непасрэдным, адлюстроўваючы самыя тонкія і глыбокія пачуцці чалавека. Індывідуальна-аўтарская словатворчасць абнаўляе моўную карціну свету, суадносіць аўтарскае светабачанне з чытацкім успрыманням рэчаіснасці.

Графічна вылучаныя аказіяналізмы прыцягваюць увагу рэцыпіента, прымушаюць задумацца над той сэнсавай нагруккай, якую ўклаў у іх аўтар, даюць магчымасць счытваць не толькі фактычную інфармацыю, але і канцэптuallyную, дазваляючы пранікнуць у аўтарскую задуму, убачыць падтэкст твора. Затрымліваючы ўвагу рэцыпіента, графічна вылучанае слова спрыяе ўзаемадзеянню аўтара і чытача, адбываецца актуалізацыя адносінаў *адресант – адра-сат*: чытач спрабуе разгадаць аўтарскую задуму, усвядоміць матыў аўтара ў межах агульнай камунікатыўнай стратэгіі. Графічна вылучанае слова выступае як адзін з фактараў, якія накіроўваюць разуменне чытача, спрыяюць прырашчэнню сэнсу ўспрымаемага тэксту, а сродкі вылучэння могуць разглядацца як вузлавыя кропкі аўтарскай стратэгіі і арыенціры для стратэгіі чытача [1].

А. У. Кур'яновіч вызначае ролю графічных элементаў наступным чынам: “Выкарыстанне графічных сродкаў вырашае задачу папаўнення інфармацыі ва ўмовах апасродкаваных праз пісьмовы тэкст зносінаў, “дапамагаючы” аўтару адэкватна рэалізаваць сваю камунікатыўную мэту, адрасату – максімальна поўна яе зразумець” [2, с. 119].

Графічна вылучаныя словы не толькі вызначаюць тэкст як візуальны феномен, які канстытуіруе яго знешнюю арганізацыю, але і істотна ўплываюць на яго сэнсавую структуру. Часцей за ўсё выбар спосабу графічнага вылучэння прадыхаваны аўтарскімі перавагамі. Так, ужо ў 1899 годзе, у “Кароткіх звестках па друкарскай справе” П. Каломнін адзначаў наступнае: «Слова, котрыя почему-либо нужно выдѣлить (т.-е. обратить на них особое вниманіе читателя), набираются, какъ въ сплошномъ, такъ и въ смѣшанномъ наборѣ, обыкновенно на